

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И РКИ

А.В. Павловская

МЕСТО И РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; annapavl@mail.ru*

Аннотация: Иностранные языки всегда занимали заметное место в России и русской культуре. Несмотря на кажущуюся отрезанность от внешнего мира, Россия во все времена была тесно с этим миром связана. И не только закономерными торговыми и политическими отношениями, но и духовными, и культурными связями. Первым значительным поводом для распространения иностранных языков в обществе стало принятие христианства, принесшее не только новую веру, но и греческий язык вместе с богословскими книгами. Вся последующая история становления и развития страны, все ключевые исторические эпохи и события в России тем или иным образом связаны с проблемой внешним миром, в первую очередь, с европейским — даже в тех случаях, достаточно нередких в русской истории, когда этот мир отвергался, критиковался и считался неизбежным злом, от которого предпочтительно было отгородиться каким-нибудь занавесом. С течением времени все новые иностранные языки распространялись в обществе, иногда даже вступая в борьбу: латинский с греческим на богословском поприще, немецкий с французским на политическом, французский с английским на литературном. В отдельные исторические периоды, например, в первой половине XIX в., иностранные языки даже потеснили родной в определенной общественной среде, стали поводом для волнений относительно потери национальной идентичности. А порой, как в советское время, приобретали статус «мертвых», становясь исключительно данью традиции и средством для чтения. Однако всегда сохраняли свою важную роль, открывая русскому человеку новые горизонты и связывая его с окружающим миром.

Ключевые слова: русская культура; межкультурная коммуникация; история образования; национальные менталитеты; взаимодействие культур; иностранные языки

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-06

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annapavl@mail.ru

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. Место и роль иностранных языков в русской культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 79–91.

Изучению иностранных языков придавалось особое значение с самого начала распространения книжности и знания в Древней Руси. Можно сказать, что вера, книга и иностранный язык появляются практически одновременно с крещением Руси. Н.М. Карамзин писал о том, что в этот начальный период «знание Еллинского языка составляло ученость...» [Карамзин, 1993: 220]. Подобная ситуация сохранялась в России удивительно долго: первый, базовый, этап образования — овладение грамотой для чтения, а следующий, высший, — иностранным языкам для чтения же. Длительное время понятие «образованный человек» включало две главные составляющие — начитанность и знание языков, причем чем большим количеством и чем свободнее владел ими человек, тем он считался образованнее. Понадобилось много веков, чтобы понятие образования расширилось и русское общество стало относиться к иностранному языку как к орудию познания, а не самоцели [Бельчиков, 2007; Раевская, 2006; Тер-Минасова, 2016].

На протяжении всей российской истории иностранный язык был неразрывно связан с книгой. Безусловно, важнейшим стимулом стало развитие международных контактов — дипломатических, политических, культурных — и, конечно, торговли. И все-таки главным поводом для овладения языками для русского человека являлась книга. Первоначально в течение длительного времени это были преимущественно книги духовного содержания, и язык изучался прежде всего греческий, позже книги научные и практические, что привело к распространению латинского и немецкого, затем романы и моды наводнили страну французским, наконец в XX в. литература на английском языке связала Россию с окружающим миром.

В самом начале XVIII в. И.Т. Посошков знаменитое «Завещание отеческое» открывает следующим советом: «В начале отрочества своего, сыне мой, паче всех наук прилежи книжному научению, не только славянскому одному, но и греческому или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польском языке много таковых книг есть, кои у нас на славянском языке не обретаются...» [Посошков, 1985: 64]. Язык в первую очередь для чтения, а не для общения главенствовал в России, и одной из важнейших причин популярности

иностранных языков в стране можно считать любовь и уважение к книге.

Другой причиной можно считать присущий русской культуре интерес к внешнему миру, стремление узнать и понять его. Географическая удаленность России, в определенные (достаточно многочисленные) периоды политическая закрытость и практически всегда внутренняя изоляция, психологическая, т.е. основанная в большей степени на ощущении, чем на реальности, делали языки и книги на языках главными проводниками в другие миры и культуры. В России даже сложился интересный феномен: люди, никогда не покидавшие своего кабинета, могли знать окружающий мир лучше любого профессионального дипломата или путешественника. Еще в поучении Владимира Мономаха говорится о том, что отец его выучил пять языков «дома сидя»¹. Ключевский приводит историю из русской жизни конца XVIII в. о графе Бутурлине, который удивил приезжего француза детальным знанием Парижа, его улиц, гостиниц, театров и памятников. Удивление приезжего гостя перешло в потрясение, когда оказалось, что сам граф там никогда не был, а все свои обширные познания почерпнул из книг [Ключевский, 1990, 5: 159].

В советский период, когда о реальных поездках за рубеж для простых граждан речи практически не шло, многие прекрасно знали порой самые отдаленные уголки земли, только чаще всего это был не современный реальный город Лондон, а Лондон Шерлока Холмса, или Париж трех мушкетеров, или Латинская Америка Жюль Верна. Так, на протяжении всей российской истории книги и иностранные языки знакомили с окружающим миром не хуже длительных, утомительных и дорогостоящих путешествий, к тому же не всегда практически осуществимых по разного рода причинам.

Интерес к окружающему миру отмечался в самых разных слоях общества, новости внешнего мира вызывали всегда чуть ли не больший интерес, чем внутренние. Карамзин рассказывает в очерке с характерным названием «О книжной торговле и любви к чтению в России» (1802): «Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров... теперь расходится московских около 6000: без сомнения, еще мало, когда мы вообразим величие империи, но много в сравнении с прежним расходом; и едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные

¹ Поучение Владимира Мономаха. Памятники литературы Древней Руси. XI — начала XII века. М., 1979. С. 401.

люди подписываются; и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель!* Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут “Московские ведомости”, хотя четверо не знают грамоте; но пятый разбирает буквы, а другие слушают”². Подобного рода интерес очень показателен, хотя, конечно, и не предполагает распространения знания иностранных языков во всех слоях общества.

Профессор Московского университета, педагог, бывший одно время директором Благородного университетского пансиона, а также возглавлявший Общество любителей российской словесности, А.А. Прокопович-Антонский (1763–1848) писал о причинах, по которым необходимо знать иностранные языки: «Важнейшая польза, какую доставляет нам память, состоит в изучении языков. Чем мы им не обязаны? Они обогащают нас многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои в переводах или обезображиваются, или совсем пропадают; они делают нас гражданами всего мира, способствуют распространению торговли, знакомят нас с отдаленнейшими народами и приводят в состояние судить о совершенстве и недостатках их установлений, обычаев, правления, политики, наук, художеств» [Прокопович-Антонский, 1985: 352].

А.С. Пушкин писал: «Переводчики — почтовые лошади просвещения» [Пушкин, 1947: 179], подчеркивая значение иностранных языков в распространении знаний, в образовательном процессе. Он же, кстати, отмечал, что языки — только средство познания мира, и считал, что количество отведенных на них часов в учебных заведениях слишком велико, освоение их должно идти в раннем детстве, наряду с родным, чтобы к школьному возрасту ребенок был уже готов пользоваться ими, а не тратить время на их изучение.

Вместе с тем в различные периоды наряду с полезностью изучения соседствовала мысль о необходимости с осторожностью относиться к знанию иностранных языков, не делать этого в ущерб собственному языку и культуре. Увлекающаяся русская натура порой брала верх над благоразумием: книги, как отмечалось, становились объектом страсти, а иностранные языки вытесняли родной. Задолго до того, как дворянское общество заговорило свободно и повсеместно по-французски, да так, что Пушкину пришлось «переводить» на русский язык письмо провинциальной девушки, В.Н. Татищев предупреждал, что изучать иностранные языки нужно, «дабы мы других... народов разуметь и им наше мнение

² Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 322.

объявить могли: но сие полезно токмо, когда правильно употребляемо; безрассудное же употребление, т.е. примешивание иноязычных слов в свой язык, вредительно, как то видим многих наибольшею частью неразумных и неученых от хвастовства и нерассудности не токмо в разговорах, но в письмах весьма странные слова употребляют... а для чего, того сами сказать не умеют, кроме хвастанья, что умеет чужое слово выговорить...» [Татищев, 1985: 78].

К тому же, открывая окно в другие миры, языки и книги давали возможность проникновения в русское общество не всегда понятных, а порой откровенно чуждых идей. Неслучайно вопросы образования и изучения иностранных языков всегда волновали духовенство. Только греческий язык до определенного времени оставался вне подозрений, латинский же мог принести с собой религиозные сомнения, французский — моральное разложение и атеизм, немецкий — подрыв государственных начал.

Однако чаще всего преобладало отношение к изучению иностранных языков как важному и жизненно необходимому элементу познания окружающего мира, неотъемлемой составляющей образования. Характерно высказывание преподобного Серафима Саровского, ответившего на вопрос помещика Богданова, надо ли учить детей иностранным языкам и наукам: «Чего же худого знать что-нибудь?» [Зырянов, 1999: 125].

Итак, с появлением на Руси в X–XII вв. книг и рукописей на иностранных языках возникает и необходимость их изучения. Естественно, что в первую очередь изучался греческий язык: связи с Византией, и не только духовные, были наиважнейшими для того периода. С XV в. оспаривать первенство греческого все активнее начинает латинский язык. Падение Константинополя, усложнившее отношения с христианским Востоком, все более активные контакты с Западной Европой, возникновение книгопечатания и, как следствие, увеличение книжного потока привели к все более активному проникновению литературы на латыни, прежде всего из Германии. К тому же латинский язык был проще греческого, о котором Максим Грек писал: «Еллинский языкъ, сиречь греческий, зело есть хитрейший; не всякъ сие удобь можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лета просидель кто будет у нарочитых учителей, и той аще будет грекъ родомъ и умомъ остеръ, еще же и охочъ; а точию не таковъ — учится убо отчасти, а в совершение его не дошелъ» [Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия, 1998: 15].

Создание Посольского приказа в 1549 г. и то ведущее место, которое он занял в системе государственного управления времен Ивана Грозного, наряду с все более активным расширением и увеличением контактов с Европой, безусловно привели к тому, что

государство стало остро нуждаться в переводчиках для международного общения. Известно, что Борис Годунов пытался организовать школы для обучения русских людей иностранным языкам. Интересно, что этому воспротивилось духовенство, которое, как пишет С.М. Соловьев, «говорило, что обширная страна их едина по религии, нравам и языку; будет много языков, встанет смута в земле» [Соловьев, 1993, кн. 4: 373]. Характерна сама постановка вопроса: религия, нравы и иностранные языки выступают здесь в неразрывной связке, затронешь одно, непременно пострадает и другое. Борис Годунов все-таки попытался осуществить задачу обучения русских молодых людей иностранным языкам, отправив специально отобранных боярских детей за границу, однако результат этой кампании оказался неутешительным — выучившие языки молодые люди домой не вернулись. Иностранные языки в этот период по-прежнему оставались привилегией книжников и употреблялись чаще всего для чтения книг и их переводов на русский.

Заметные перемены произошли в XVII в. Растет число людей, владеющих иностранными языками, увеличивается набор самих языков, кроме традиционных латинского и греческого, распространяются в России и другие, расширяются возможности получения знания языков, открываются учебные заведения для обучения им.

С середины XVII в. начинает активно проникать в русское общество английский язык. Так, до нашего времени дошла рукопись, принадлежавшая ярославскому посадскому человеку, содержащая записанную им английскую азбуку, англо-русский словарик и разговорник, что говорит об интересе к иностранным языкам среди городского населения, занимавшегося, видимо, торговлей с иностранцами. Один из наиболее ранних переводов с английского языка относится к первой четверти XVII в. — это «Землемерные книги». Знания о стране «ангилейских немцев» распространялись в России вместе с языком. В середине века в русском источнике мы встречаем следующее описание жителей далекого острова, составленное явно русским «англофилом»: «Английские люди доброобразны, веселоваты, телом белы, очи имеют светлы, во всем изрядны, подобны итальяном. Житие их во нравах и обычаех чинно и стройно, ни в чем их похулити невозможно. Воинскому чину искусны, храбры и мужественны, против всякого недруга безо всякого размышления стоят крепко, не скрывая лица своего. Морскому плаванью паче иных государств зело искусны, пища их большая статья от мяс, ествы прохладные, пива добрые, и в иные страны оттоле пивы идут. Платье носят с французского обычая. Жены их красовиты, платье носят по своему обычаю...» [Алексеев, 1982: 49]. Этаким благостный панегирик стране, в которой сам автор вряд ли был, но

мнение о которой составил по европейским книгам и возможным встречам с англичанами в Москве (напомним, что за сто лет до этого была учреждена и активно функционировала английская торговая компания в Москве).

В рассматриваемый период увеличивается поток иностранцев в Россию, многие приезжают на службу к московскому государю, «на ловлю счастья и чинов», другие едут по заданию своих правительств собирать данные о все набирающей силу и международный вес державе, кто-то приезжает из обыкновенного любопытства, с познавательными целями. Некоторые из приехавших нанимаются для заработка учителями в богатые семьи, обучая детей, главным образом, языкам, которыми сами владеют.

Создание Славяно-греко-латинской академии в 1680-е годы подняло преподавание иностранных языков на новый уровень. Открытию ее предшествовала «схватка» между латинским языком, языком европейской науки, и греческим, языком русской церкви, причем речь, конечно, шла о гораздо большем, чем просто язык. Как писал Ключевский, «эти языки были тогда не просто разные грамматики и лексиконы, а разные системы образования, враждебные культуры, непримиримые мирозозерцания» [Ключевский, 1990, 3: 296]. Восторжествовала эллинистическая традиция, а латинское учение было признано вредным и опасным, что, правда, не отразилось на распространении латыни, остававшейся важным средством общения с европейскими государствами. Руководство новым учебным заведением было поручено двум грекам братьям Лихудам. В академии изучали греческий, славянские языки, а также латинский, причем отдельные предметы также читались на языках — грамматику и пиитику преподавали на греческом, а риторику и физику на греческом и латинском. Выпускники академии становились в числе прочего переводчиками, справщиками (редакторами) книг для Печатного двора, преподавателями, т.е. использовали полученные знания языков для государственных нужд. Интересно, что попавшие в немилость братья Лихуды были сосланы из академии в типографию, где им было поручено учить детей итальянскому языку. Именной указ предписывал боярским и иных чинов детям учиться у них этому языку.

К концу XVII в. заметно расширяется круг людей, владеющих иностранными языками. Теперь это не только люди духовного звания, книжники, переводчики книг на русский язык, дипломаты, толмачи и высшие государственные деятели, но и горожане, занимающиеся торговлей, люди, связанные с образовательными учреждениями, дворяне, стремящиеся сделать карьеру, а нередко и простые обыватели, имеющие возможность и время изучить иностранный

язык. Заметно разнообразится набор языков: помимо сохраняющих свое лидирующее значение греческого и латинского, а также традиционных славянских, начинают постепенно проникать в Россию и завоевывать популярность другие европейские языки, такие как немецкий, английский, итальянский, французский, голландский. Множатся способы получения языкового образования, здесь и домашнее преподавание, в том числе и с иностранными учителями, и самообразование по книгам, и частные школы, и появление государственных учебных заведений. Однако подлинный переворот в изучении иностранных языков в России произошел в следующем столетии.

Петровские преобразования в значительной степени основывались на западном опыте, его видение будущего России связывалось с Европой, а значит, иностранные языки не могли не приобрести важнейшее значение. Только с их помощью можно было постичь тайны западных ремесел, военного искусства, государственного устройства. А как было ехать за европейским опытом за границу, что делали многие, не владея ими? Да и перенять чужие манеры, быт, нравы можно было только овладев иностранным языком. Это понимал не только Петр, но и многие в его окружении. Теперь языки ставятся на службу делу, а книги переводятся те, из которых можно почерпнуть практические сведения, появляются и разного рода грамматики иностранных языков и словари. В соответствии с политической ориентацией и личными симпатиями царя все большее значение приобретает немецкий язык, следом за ним идут другие живые европейские языки — итальянский, французский, голландский, английский. Латинский и греческий сдают свои позиции, первый сохраняется прежде всего в науке, а второй — в церкви.

Иностранный язык становится необходимым орудием приобретения знания. Все новые виды обучения, внедренные царем-преобразователем, были прочно связаны со знанием языков: очевидно, что они были необходимы тем, кого отправляли учиться за границу, что было одной из первых образовательных мер рубежа XVIII в., но и тем, кто оставался в России, для обучения было необходимо знание языков, большая часть преподавателей во вновь открываемые учебные заведения — приглашенные иностранцы, не владевшие русским языком. Так, в знаменитой Школе математических и навигацких наук одними из первых преподавателей были три англичанина.

Проекты реорганизации системы образования в России с начала XVIII в. неизбежно связаны с овладением иностранными языками. Интересна программа, представленная видным государственным деятелем, реформатором, сторонником социально-политических и культурных преобразований Федором Степановичем Салтыковым

(?–1715). Он был прекрасно образованным человеком, в конце XVII в. три года провел в Англии и Голландии, где обучался морскому делу, а вернувшись домой, руководил строительством военных судов. В 1711 г. он был вновь послан в Англию для закупки судов для русского флота, откуда им было отправлено Петру I две записки, названные им «Пропозиции», в которых он представил свой проект реформирования России: развитие в кратчайшие сроки системы образования, в том числе и женского, книгопечатания, открытие библиотек, строительство мануфактур и расширение торговли, поиски Северного морского пути в Индию и Китай, освоение Средней Азии и Сибири. Салтыков не вернулся из Англии, по некоторым данным, предложения его показались Петру слишком радикальными, и он остался, боясь опалы и ареста.

Салтыков указывал на необходимость организации учебных заведений («академий») в каждой из семи губерний, для чего предлагал отдать под них монастыри, а проблему финансирования решить тем, что содержать их на монастырские доходы. При каждой такой академии предполагалась библиотека, «из разных языков и из разных наук... как в Англии — в Оксфорде и Кембридже». В программе обучения на первом месте стояли иностранные языки: «А в тех академиях велеть учить: языков для обхождения в разговоре с разными народами — латинского, греческого, немецкого, английского, французского». Кроме того, предполагалось изучение «свободных наук», т.е. набора общеобразовательных предметов и «для обороны собственной и для изящества учиться — на лошадях ездить/на шпагах биться/танцевать». Салтыков был сторонником женского образования, считая, что нередко жизнь в родительском доме до замужества, где девушки растут, «не зная обхождения людского и разговоров», для них вредна. Он предлагал ввести для них обязательное обучение, под угрозой штрафа отца, разработав специальный комплекс женских «наук»: «для домоводства» (читать, писать, считать, «для изящества в языках» (французский, немецкий), «для забавы» и «для забавы же своей и в компаниях веселого обхождения» [Салтыков, 1985: 57–58]. Интересно, что уже в начале XVIII в. именно французский назван главным языком, необходимым для светского общения.

Проведя много времени за границей и столкнувшись там с разного рода книгами, искажающими русскую историю, а также тем далеким от истины образом России, который сложился к этому времени на Западе, этот патриот-эмигрант предлагал написать историю Российского государства, перевести ее на немецкий и французский языки и разослать по Европе для распространения правильной информации о стране. Петр и сам пришел к такому же выводу и, не

жалая средств, издавал книги о России за границей на немецком и других языках, стремясь противопоставить выходящим там изданиям о России свой взгляд и позиции, распространить знания о ней.

Роль иностранных языков в светской жизни России нарастала в течение всего XVIII в. по мере ее усложнения, расширения и европеизации. С эпохой Елизаветы Петровны обычно связывают начало преобладания французского языка и культуры, однако, как отмечалось выше, его лидерство в данной сфере началось значительно раньше. Появляется и стремительно завоевывает признание новый для России вид книг — любовные французский и английские романы, давая новый повод для изучения языков, особенно для женщин.

Молодой Д.И. Фонвизин в бытность свою учеником гимназии Московского университета, попав впервые в столичное общество, собравшееся в театре в Петербурге, сразу столкнулся с необходимостью владения французским. Благодаря природному уму он с честью вышел из ситуации, но первый урок светской жизни запомнил хорошо. «Стоя в партерах, — вспоминал писатель, — свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал было надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости...» [Фонвизин, 1989: 51] Однако случай этот врезался в память, и Фонвизин по возвращении в гимназию стал брать уроки французского, который вскоре выучил превосходно.

Самым распространенным способом обучения иностранным языкам в это время становится домашнее воспитание с помощью иностранных учителей. С раннего детства отдавая ребенка на руки иностранцам, родители рассчитывали научить его в совершенстве языку, причем педагогические способности и уровень образования такого учителя роли не играли, самое важное было свободное владение языком. Образчик такого типичного «педагога» встречаем в комедии Фонвизина «Недоросль». Самый высокооплачиваемый учитель у Митрофанушки, пользующийся некоторым уважением даже у Простаковой, иностранец, нанятый на следующих условиях: «По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка

даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит». То, что Вральман, бывший кучер, «робенка не неволил», и было одним из его главных педагогических приемов, как и у других подобных ему новоиспеченных учителей. Да и как неволить, если знания ограничивались конюшной. Он и сам предпочитал свою бывшую профессию, но что делать, если кучеров в России и своих хватало, а на учителей спрос был огромен.

Случались и курьезные истории. Так, из XVIII в. дошла история о том, как одни простодушные родители наняли для обучения своих детей французскому языку гувернера, якобы француза, а потом оказалось, что он чистокровный чухонец и вместо французского языка обучил своих питомцев финскому [Ключевский, 1990, 9: 35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 49.
2. *Бельчиков Ю.А.* Всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2007. № 4. С. 192–195.
3. *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 125.
4. *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 322.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 220.
6. *Ключевский В.О.* Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени: Сочинения. Т. 9. М., 1990. С. 35.
7. *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Сочинения. Т. 3. М., 1990. С. 296.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Сочинения. Т. 5. М., 1990. С. 159.
9. Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 15.
10. *Посошков И.Т.* Завещание отеческое: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 64.
11. Поучение Владимира Мономаха. Памятники литературы Древней Руси. XI — начала XII века. М., 1979. С. 401.
12. *Прокопович-Антонский А.А.* О воспитании: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985 С. 352.
13. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 179.
14. *Раевская М.М.* Язык в ментальном пространстве: к проблеме постижения национальной логики мышления // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2006. № 1. С. 27–41.
15. *Салтыков Ф.С.* Пропозиции: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 57–59.
16. *Соловьев С.* История России с древнейших времен: Сочинения. Кн. 4. М., 1993. С. 373.
17. *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 78.
18. *Тер-Минасова С.Г.* Учитель, ученик, учебник в современной России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2016. № 4. С. 130–138.
19. *Фонвизин Д.И.* Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях помышлениях // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917).* М., 1989. С. 51.

Anna V. Pavlovskaya

THE ROLE AND PLACE OF FOREIGN LANGUAGES IN RUSSIAN CULTURE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annapavl@mail.ru

Abstract: Foreign languages have always occupied a prominent place in Russia and the Russian culture. The paper states that despite being seemingly isolated from the outside world, Russia has always been closely connected with it, and not only by trade and political relations, but also by spirit and culture. The research contributes to the discussion of the role of foreign languages in Russian culture and reviews the development of foreign languages teaching system in Russia. Adoption of Christianity was the first significant reason for the spread of foreign languages in the society that brought not only a new religion, but also the Greek language along with the theological books. Over time, more and more foreign languages began to spread in the society, sometimes even entering into a conflict with one another: Latin with Greek (in the theological field), German with French (in the sphere of politics), French with English (in the literary field). In certain historical periods (for example, in the first half of the 19th century), foreign languages even displaced the Russian language in some social strata. The contribution underlines the importance of analysing such historical periods with special reference to interconnection between language as a means of communication and national identity. The investigation also argues that at times, for example, like in Soviet times, foreign languages acquired the status of the ‘dead’ languages and became an exclusive tribute to *the tradition and a means of reading*. In conclusion, the paper declares that foreign languages have always retained their important role, opening up new horizons for the Russian people and connecting them with the outside world.

Keywords: Russian culture; intercultural communication; history of education; national mentalities; interaction of cultures; foreign languages learning; means of cognition

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2023) The role and place of foreign languages in Russian culture. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 79–91. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Anna Pavlovskaya — Dr. Habil. in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annapavl@mail.ru

REFERENCES

1. Alekseev M.P. 1982. Russko-anglijskie literaturny'e svyazi: XVIII v. — pervaya polovina XIX v. [Russian-English Literary Relations: 18th century — first half of the 19th century.] Nauka. (In Russ.)

2. Bel'chikov Yu.A. 2007. Vsyakoe izuchenie yazyka neizbezhno imeet svoim predmetom samoe kul'turu. [Every Study of Language Inevitably Has Culture Itself as Its Object.] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4. (In Russ.)
3. Fonvizin D. I. 1989. Chistoserdchnoe priznanie v delah moih i pomyshleniyah. [Sincere Recognition in My Deeds and Thoughts.] In *Moskovskij universitet v vospominaniyah sovremennikov (1755–1917)*, pp. 49–52. *Sovremennik*. (In Russ.)
4. Karamzin N.M. 1993. [History of the Russian State] *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Vol. 5. Nauka. (In Russ.)
5. Karamzin N.M. 1986. Zapiski starogo moskovskogo zhitelya. [Notes of an Old Moscow Resident], p. 322. *Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.)
6. Klyuchevsky V.O. 1990. Sochineniya. [Essays] Vol. 3. *Mysl'*. (In Russ.)
7. Klyuchevsky V.O. 1990. Sochineniya. [Essays] Vol. 5. *Mysl'*. (In Russ.)
8. Klyuchevsky V.O. 1990. Sochineniya. [Essays] Vol. 9. *Mysl'*. (In Russ.)
9. Monomah V. 1978. Pouchenie Vladimira Monomaha. [Teaching Of Vladimir Monomakh] In L. Dmitriev & D. Likhachev (Eds.), *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi*. XI — nachalo XII veka, pp. 393–416. *Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.)
10. Nemcy v Rossii. Problemy kul'turnogo vzaimodejstviya. 1998. [Germans in Russia. Problems of cultural interaction], p. 15. Dmitrij Bulanin. (In Russ.)
11. Pososhkov I.T. 1985. Zaveshchanie otecheskoe. [Father's Testament] In M. Kondakov, Yu. Babanskii, & Yu. Vasil'ev (Eds.), *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.*, pp. 64–67. *Pedagogika*. (In Russ.)
12. Prokopovich-Antonskij A.A. 1985. O vospitanii. [On Education]. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.*, p. 352. *Pedagogika*. (In Russ.)
13. Pushkin A.S. 1949. *Polnoe sobranie sochinenii*. [Pushkin Complete Works] Vol. 11. *Akademiya nauk SSSR*. (In Russ.)
14. Raevskaya M.M. 2006. Yazyk v mental'nom prostranstve: k probleme postizheniya nacional'noj logiki myshleniya. [Language in the Mental Sphere: On the Problem of National Logic of Thinking.] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1. (In Russ.)
15. Saltykov F.S. 1985. Propozicii. [Propositions] In *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.* (pp. 54–59). *Pedagogika*. (In Russ.)
16. Solovyov S.M. 1993 *Sochineniya v 18 tomakh*. [Works in 18 volumes] Vol. 4. (In Russ.)
17. Tatishchev V.N. 1985. Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch [A Conversation on the Usefulness of Sciences and Schools]. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.*, p. 78. *Pedagogika*. (In Russ.)
18. Ter-Minasova S.G. 2016. Uchitel', uchenik, uchebnik v sovremennoi Rossii [Teacher, student, textbook in today's Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 130–138. (In Russ.)
19. Zyryanov P.N. 1999. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka. [Russian monasteries and monasticism in the 19th and early 20th centuries], p. 125. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 16.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 16.01.2023;
approved after reviewing 16.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023